

И. Е. Гельб

Опыт изучения письма (основы грамматики)¹

Глава I

ПИСЬМО КАК СИСТЕМА ЗНАКОВ

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ

Двумя наиболее важными проявлениями человеческого поведения являются самовыражение и коммуникация. Первое относится к тому, что мы могли бы назвать личным поведением, второе — к социальному поведению. Человек имеет много средств, как естественных, так и искусственных, для выражения своих мыслей и чувств. Он может дать естественный выход своей радости, смеясь или напевая, а также своему горю, плача или стона. Он может выражать себя и при помощи искусственных средств, то есть написанного им стихотворения, картины или какого-либо другого произведения искусства. Человек может пытаться передать свои чувства, мысли или понятия, применяя условные и общепринятые образы. Какова же связь между самовыражением и коммуникацией? Существуют ли самовыражение или коммуникация в чистом виде? Не обстоит ли, скорее, дело так, что человек как социальное существо <...> ζῶον πολιτικόν Аристотеля всегда находится или думает, что находится, в таких условиях, в которых он может выразить себя исключительно при помощи коммуникации? И наоборот, не являются ли великие шедевры искусства или поэзии

¹ Гельб И. Е. Опыт изучения письма: Основы грамматики/Перевод с англ. М., 1982. С. 13–33.

формами коммуникации, возникшими в результате самовыражения индивидуумов? Мне кажется, что цели самовыражения и коммуникации так тесно сплетены во всех формах человеческого поведения, что обычно бывает невозможно говорить об одной из них, не будучи вынужденным в то же время касаться и другой.

Для того чтобы сообщать мысли и чувства, должна существовать общепонятная система условных знаков или символов, которые, будучи применены одними лицами, оказываются понятны другим, воспринимающим эти знаки или символы. Коммуникация при обычных обстоятельствах предусматривает присутствие двух (или более) лиц, из которых одно (одни) передает (передают), а другое (другие) принимает (принимают) данное сообщение.

Процесс коммуникации состоит из двух частей: передачи и приема. Так как средства передачи сообщения слишком разнообразны и многочисленны, чтобы их можно было подвергнуть какой-либо систематической классификации, нам приходится начинать с рассмотрения приема сообщения. Прием сообщения осуществляется при помощи наших чувств, из которых зрение, слух и осязание играют наиболее важную роль. Теоретически могли бы учитываться и другие чувства, такие, как обоняние и вкус, но практически их роль чрезвычайно ограничена, и полностью развитой системы знаков на их основе не возникает.

Зрительная коммуникация может осуществляться посредством жестов и мимики. Они являются частыми спутниками речи, хотя интенсивность их употребления находится в зависимости от индивидуальных свойств говорящего, от социального слоя или этнической группы. Употребление жестов и мимики для достижения ораторского эффекта или вследствие природного импульса бывает свойственно одним людям больше, другим меньше. В нашем обществе считается дурным тоном «разговаривать руками». Общеизвестно, что в Европе южане, например итальянцы, употребляют как жестикуляцию, так и мимику в значительно большей мере, чем, например, скандинавы или англичане. Сочетание языка и жеста повсеместно играло важную роль в ритуальных действиях. Ограничения, налагавшиеся на употребление устной речи условиями как естественного, так и искусственного характера, привели к возникновению и развитию систем коммуникации, опирающихся на жесты и мимику. Таковы системы, созданные для глухонемых, лишенных природной способности пользоваться естественным языком. Сюда же относится и язык жестов монахов-траппистов, которые из-за данного ими обета молчания были вынуждены создать систему, заменяющую речь. Различные системы языка жестов часто употребляются среда аборигенов Австралии, например вдова-

ми, которым нельзя произносить ни слова в период траура. Наконец, система языка жестов, употребляемая индейцами прерий, была введена, когда возросла потребность общения между их племенами, говорящими на различных, взаимно непонятных языках.

Среди других средств коммуникации, обращенных к глазу, следует упомянуть оптические сигналы, подаваемые при помощи огня, дыма, света, семафоров и т.д.

Одной из простейших форм слуховой коммуникации может, например, считаться свист с целью окликнуть кого-либо. Свист и аплодисменты в театре являются другими простыми примерами такого рода коммуникации. Иногда для подачи акустических сигналов используются искусственные средства, такие, как барабаны, свистки и трубы.

Наиболее важной системой слухового общения является разговорный язык, обращенный к уху человека, получающего сообщение. Язык универсален. На протяжении времени, доступного нашему знанию, никогда не существовало такого человеческого сообщества, которое не обладало бы полностью развитым языком.

Простейшими способами передачи чувств при помощи осязания являются, например, рукопожатие, похлопывание по спине, любовное поглаживание. Полностью развитая система коммуникации посредством знаков, подаваемых касанием рук, употребляется слепоглухонемыми. <...>

Средства коммуникации, упомянутые выше, имеют две общие черты: 1) все они обладают мгновенной длительностью и, следовательно, ограничены во времени: едва слово произнесено или едва сделан жест, как их уже нет, и их нельзя восстановить иначе, как путем повторения; 2) они могут употребляться только при общении между людьми, находящимися на более или менее близком расстоянии друг от друга, и, таким образом, эти средства коммуникации ограничены в пространстве.

Потребность найти пути передачи мыслей и чувств в формах, не ограниченных временем и пространством, привела к развитию способов коммуникации при помощи 1) предметов и 2) меток на предметах или на каком-либо прочном материале.

Число зрительных средств коммуникации при помощи предметов неограниченно. Когда человек кладет на могилу груды камней или ставит каменный памятник, он хочет выразить свои чувства к покойному и сохранить память о нем в грядущем. Крест, символизирующий веру, или якорь, символизирующий надежду, представляют собой примеры такого же рода. Другим современным пережитком коммуникации при помощи предметов являются также четки, каждая бусина которых в зависимости от ее местопо-

ложения и размера как бы воскрешает в памяти определенную молитву. Мы можем еще упомянуть здесь так называемые «языки цветов и камней», в которых каждый цветок или камень якобы способен передать определенное чувство.

Системы мнемонических знаков для ведения счета при помощи предметов известны по всему миру. Простейшими и наиболее распространенными из них являются так называемые «счетные палочки» для учета скота: это обыкновенные деревянные палочки с зарубками, соответствующими количеству голов скота, находящегося на попечении пастуха. Другим простым способом является учет скота при помощи камешков в мешке. Более сложная мнемоническая система имела хождение у перуанских инков. Это так называемое «письмо *кипу*», в котором данные, касающиеся числа предметов или живых существ, передаются посредством шнуров и узлов различной длины и разного цвета. Все сообщения о предполагаемом употреблении *кипу* для передачи хроник и исторических событий — чистейшая фантазия. Ни перуанское письмо, ни современные узелковые письменности Южной Америки и японских островов Рюкю не имели и не имеют никакого иного назначения, кроме записи простейших данных учетного характера.

Здесь мы должны также упомянуть индейские *вампумы*, состоящие из шнуров с нанизанными на них морскими раковинами; эти шнуры часто бывают сплетены в пояса. Вампумы служили деньгами, украшением, а также средством коммуникации. Совсем простые по форме разноцветные *вампумы-шнуры* употреблялись для передачи сообщений; при этом следовали принятым у индейцев условным цветам <...>: белые раковины обозначали мир, багровые или фиолетовые — войну и т.д. <...>

Предметы употребляются как помощники памяти для передачи поговорок и песен у негров эве, причем по форме эти мнемонические средства ничем не отличаются от более поздних письменных символов тех же эве <...>. Карл Мейнхоф рассказывает, что один миссионер нашел в туземной хижине веревку, к которой было привязано много предметов: перо, камень и т.д. В ответ на его вопрос о назначении шнура с привязанными предметами ему было сказано, что каждый предмет подразумевает определенную поговорку. Мэри Х. Кингсли рассказывает о другом обычае, распространенном в Западной Африке среди местных певцов: они носят повсюду с собой сетку с различными предметами — трубками, перьями, шкурками, птичьими головами, костями и т.п., — каждый из которых служит напоминанием о какой-либо песне. Исполнение этих песен сопровождается пантомимой. Слушатели выбирают какой-либо определенный предмет и перед исполнением

рядятся о цене, которая должна быть уплачена певцу. Таким образом, сетка певца может рассматриваться как репертуар его песен.

Раковины каури часто употребляются для целей коммуникации. Так, у африканского народа йоруба одна раковина каури означает «вызывающее поведение и раздор», две раковины рядом означают «тесные отношения и встреча», две раковины отдельно одна от другой — «разлука и вражда» и т.д. Поразительно, что здесь развивается фонетический принцип <...>, проявляющийся в следующих ниже примерах. Шесть раковин каури означают «привлекательный», потому что слово *efa* в языке йоруба имеет значения «шесть» и «привлекательный». Соответственно послание, представляющее собой шнур с шестью раковинами, будучи передано молодым человеком девушке, означает: «я нахожу тебя привлекательной, я люблю тебя»; а так как слово *euo* имеет значение «восемь» и «согласен», то ответ девушки молодому человеку, состоящий из шнура с восемью раковинами, означает: «согласна, я чувствую то же, что и ты».

Современным примером употребления предметов для целей коммуникации может служить эпизод в рассказе писателя Йюкаи, в котором один человек посылает другому коробку кофе, чтобы предупредить его об опасности, угрожающей ему со стороны полиции. Эпизод может быть понят, если учитывать действие фонетического принципа: по-венгерски кофе — *kávè*, что похоже по звучанию на латинское *save*, что значит «берегись!».

Сообщают о случае, чрезвычайно интересном со сравнительной точки зрения. Он засвидетельствован в той самой стране народа йоруба, где для коммуникативных посланий так часто используются раковины каури. При нападении царя Дагомеи на их город один из туземцев-йоруба был взят в плен. Поспешив известить жену о своей беде, он послал ей камень, кусок угля, перец, зерно и лохмотья с целью передать ей следующее сообщение: камень означал «здоровье» — в том смысле, что, «как камень тверд, так твердо и сильно мое тело»; уголь значил «мрак» — «как черен уголь, так темно и мрачно мое будущее»; перец указывал на «жжение», что означало: «как жжет перец, так жжет и у меня внутри из-за мрачного будущего»; зерно означало «иссохший», и под этим подразумевалось следующее: «как зерно иссохло при сушке, так и мое тело иссохло, опаленное жаром моего горя и моих страданий»; и, наконец лохмотья означали «изношенный», что надо было понимать так: «каковы эти лохмотья, такова и моя одежда, изношенная и превратившаяся в рвань». Совершенно аналогичное послание описывается у Геродота (IV, 131 и сл.): «Скифские цари... отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку

и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но гот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, [то они] должны сами понять значение этих даров. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как лягушка живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами, лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснил смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не заростесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». Так персы стремились разгадать значение даров»¹. Тем современным историкам культуры, которые захотят возразить против некоторых из моих реконструкций, опирающихся на сравнение древних народов и современных примитивных обществ <...>, нелегко будет пренебречь значением приведенных здесь обычаев, засвидетельствованных параллельно как в древности, так и в Новое время.

Еще одна параллель к двум приведенным выше эпизодам обнаружена в Средней Азии. Речь идет о любовной записке, посланной местной девушкой молодому человеку, в которого она влюбилась. Ее любовное письмецо представляло собой мешочек с различными предметами, которые означали следующее: комочек спрессованного чая — «я больше не могу пить чай»; соломинка — «потому что я пожелтела от любви к тебе»; красный плод — «меня бросает в краску, когда я думаю о тебе»; сушеный абрикос — «я сохну»; кусок древесного угля — «мое сердце сгорает от любви»; цветок — «ты прекрасен»; кусок сахару — «ты сладостен»; камешек — «разве твое сердце — камень?»; перо сокола — «если бы у меня были крылья, я бы полетела к тебе»; ядро грецкого ореха — «я отдаюсь тебе».

Все средства коммуникации такого рода по-немецки иногда называются *Sachschrift* или *Gegenstandsschrift*, то есть «предметное письмо», на что нет совершенно никаких оснований, так как они не имеют ничего общего с письмом в обычном понимании. Непригодность использования предметов помешало развитию сколь угодно полной системы и привело к географической ограниченности способов предметной коммуникации.

¹ Русский перевод приводится по кн.: *Геродот. История в девяти книгах*/Перев. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972. С. 219–220. — *Прим. перев.*

Письмо осуществляется не посредством самих предметов, а при помощи меток на них или на любом другом материале. Письменные знаки обычно выполняются двигательными действиями руки, которая либо чертит, либо рисует кистью, либо выцарапывает либо вырезает. Это нашло отражение в значении и этимологии слова «писать» во многих языках мира. Английское слово *to write* «писать» соответствует древнескандинавскому *ríða* «вырезать (руны)» и современному немецкому *reissen, einritzen* «разрывать, вырезать, выцарапывать». Греческое слово *γράφειν* «писать» (ср. интернациональное заимствование «графика», «фонография» и т.д.) значит также «высекать»; ср. нем. *kerben*. Латинское *scribere*, немецкое *schreiben*, английское *scribe, inscribe* и т.п. первоначально значили «вырезать» <...>. И наконец, славянское *писати* «писать» тоже первоначально было связано с рисованием кистью (ср. русское *живопись*), что подтверждается связью с латинским *pingere* «рисовать кистью». <...>

Рассмотренные здесь выражения не только раскрывают механику процесса письма, но и указывают на весьма тесную связь между рисунком и письмом. Так оно и должно быть, поскольку наиболее естественным образом передача мыслей посредством зримых меток достигается при помощи рисунка. Именно рисунок, хотя и весьма несовершенным образом, обеспечивал те нужды первобытных людей, которые в Новое время удовлетворяются письмом. В дальнейшем рисунок развивался в двух направлениях: 1) как изобразительное искусство, в котором рисунок (или картина) продолжает воспроизводить более или менее добросовестно предметы и события окружающего мира в форме, не зависящей от языка, и 2) как письмо, в котором знаки, независимо от того, сохраняются их рисуночная форма или нет, превращаются в конце концов во вторичные символы для передачи понятий, выраженных языковыми средствами.

Все случаи устойчивой коммуникации, достигнутой путем осязательного восприятия (например, по системе Брайля) или восприятия слухового (например, при слушании граммофонных пластинок), представляют собой вторичные переносы <...>, развившиеся из систем, созданных на основе зрительного восприятия.

Рис. 1 в виде таблицы показывает некоторые средства коммуникации, доступные человеку.

Рассматривая различные системы взаимной коммуникации людей, не следует упускать из виду необходимости дифференцировать системы первичные и вторичные. Это различие может быть наилучшим образом проиллюстрировано следующим примером. Когда отец подзывает сына свистом, он без использования каких бы то ни было языковых форм выражает свое желание, чтобы маль-

	Мгновенная коммуникация	Стабильная коммуникация
Для зрительного восприятия	Жест; мимика; выражение лица, глаз; чтение по губам; мимический танец; подача сигналов огнем, дымом, светом, семафором.	(а) Предметы: крест и якорь; язык цветов или камней; счетные палочки; камешки; кипу; раковины каури. (б) Начертания на предметах: рисунок или скульптура; письмо.
Для слухового восприятия	Свист; пение и напевание; аплодисменты и одобрителный свист; речь; подача сигналов барабанами, свистками, фанфарами.	Грамофонные пластинки или диктофонные цилиндры.
Для осязательного восприятия	Рукопожатие, похлопывание по спине, поглаживание; знаки, подаваемые прикосновением у слепоглухонемых.	Чтение пальцами рельефных или выгравированных надписей; система Брайля.

Рис. 1. Способы коммуникации идей.

чик оказался в определенном месте. Его мысль или ощущение прямо и сразу передаются свистом. Это первичный способ коммуникации. Но когда отец пытается позвать сына, высвистывая буквы азбуки Морзе так, чтобы получилось *с-ы-н*, он пользуется языковым переносом. Его желание, чтобы мальчик оказался в определенном месте, передается свистом не непосредственно, а при помощи языковых средств. Это и есть то, что мы называем **вторичным средством коммуникации**.

Границ вторичным переносам нет. Например, произнесенное слово *сын* является первичным речевым знаком. В написанном слове *сын* перед нами письменный знак, использованный для речевого знака. Если затем это написанное слово *с-ы-н* передать световыми сигналами, то вспышки света будут знаками письменных знаков, которые являются знаками речевых знаков, то есть будут знаками знаков, которые в свою очередь являются знаками знаков. И так до бесконечности. <...>

Что лежит в основе взаимной коммуникации? Что мы подразумеваем, когда говорим, что сообщаем свои идеи, мысли или чувства? Возьмем три конкретных примера из повседневной жизни: что именно сообщается жестом оратора, призывающего к тишине, или звоном будильника, или уличным знаком «стоп»? Для лингвистов бихевиористской школы ответ ясен и прост: все, что мы сообщаем, — язык. С их точки зрения, язык — единственное средство, при помощи которого люди общаются друг с другом, а все прочие способы взаимной коммуникации не более как вто-

ричные заменители языка. Даже сам процесс мышления для них не что иное, как «безмолвный разговор», который, как они считают, всегда сопровождается «беззвучными движениями голосовых органов, заменяющими речевые движения, но незаметными для других людей». Однако как раз в этом пункте хотелось бы отойти от принципиальной догмы лингвистов, принадлежащих к бихевиористской школе. Конечно, безмолвный разговор играет важную роль во всех формах мышления, в особенности в случаях напряженных размышлений. Например, обдумываемая ситуация, в которой вы намерены сказать другому человеку: «Выйди вон!», — легко может сопровождаться заметным движением губ, иногда даже озвученным. Но с другой стороны, известно из опыта, подтвержденного специальными психологическими экспериментами, что мы можем думать и при отсутствии беззвучного потока слов, а также понимать назначение предметов, слов для которых мы не знаем. Наконец, глухонемые от рождения вполне способны общаться друг с другом без какого бы то ни было голосового фона, и если у них напряженные размышления подчас сопровождаются более или менее заметными движениями рук и лица, то такие рефлексy должны рассматриваться как вторичные и как стоящие в одном ряду с заметными движениями губ в случаях «беззвучной речи» у людей, способных говорить нормальным образом. Немало других примеров приёма коммуникации без языкового фона можно найти в нашей повседневной жизни. Когда я вскакиваю с постели поутру на звук будильника или останавливаюсь по дорожному сигналу «стоп», то реакция моя бывает мгновенной и лишённой вмешательства каких-либо языковых форм: звон будильника или вид дорожного сигнала обращены к моему сознанию непосредственно.

Между процессом передачи и процессом приёма сообщения часто бывает огромная разница. В то время как процесс медленного письма может сопровождаться беззвучными движениями голосовых органов, эти движения трудно, если не невозможно, выявить у лиц, которые могут читать про себя в два или три раза быстрее, чем вслух. Установлено, что многие люди могут читать глазами без промежуточного потока речевых знаков.

Конечно, почти все системы знаков могут быть превращены в какую-либо языковую форму, но это может происходить именно потому, что речь является наиболее полной и развитой из всех знаковых систем; однако делать отсюда вывод, что речевые формы представляют собой необходимый фон для любой взаимной коммуникации людей, было бы заблуждением. Ведь никто не станет утверждать, что все в мире — деньги, только лишь потому, что все в мире может быть (теоретически) обращено в деньги. <...>

Только после того, как письмо развилось в собственно фонетическую систему, воспроизводящую элементы речи, появляется возможность говорить о практическом совпадении письма с речью, а также об эпиграфике и палеографии как разделах лингвистики.

Эта колоссальная разница между **семаснографической** ступенью письма (выражающей значения и представления, лишь слабо связанные с речью) и его **фонографической** ступенью (выражающей речь) должна нами тщательно учитываться, в особенности ввиду полемики, которая постоянно возникает по вопросам, связанным с определением письма. Те специалисты по общему языкознанию, которые определяют письмо как способ передачи речи при помощи зримых знаков и принимают письменный язык за эквивалент его устного двойника, которому он следует пункт за пунктом, недооценивают историческое развитие письма и неспособны видеть, что такое определение неприменимо к ранним ступеням письма, на которых последнее лишь слабо отражает устную форму языка. С другой стороны, филологи, которые полагают, что письмо даже после его фонетизации употреблялось для записи или передачи как идей, так и звучания, неспособны понять того, что, как только человек открыл способ выражения точных форм речи посредством письменных знаков, письмо утратило свой независимый характер и стало по преимуществу письменным заменителем своего устного двойника.

ДЕФИНИЦИЯ ПИСЬМА

Если неискушенного человека попросить дать определение письма, он, скорее всего, ответит примерно так: «Да нет ничего проще. Всякий ребенок знает, что это один из трех предметов, которым учат с первого класса, а выражение «азбучная истина» обозначает элементарнейшие познания по любому вопросу». Однако дело обстоит не так просто.

Письмо восходит к тем временам, когда человек учился передавать свои мысли и чувства при помощи зримых знаков, понятных не только ему самому, но также и другим людям, более или менее осведомленным о той конкретной системе, в которую входят эти знаки. Первоначально рисунки служили в качестве зримого выражения мыслей человека, причем эта рисуночная форма была в значительной мере независима от речи, выражавшей мысли в слышимой форме. Связь между письмом и речью была на ранних ступенях письма весьма слабой <...>. Всякое послание имело только один смысл и могло быть интерпретировано читателем только одним определенным образом, но «прочесть», то есть выразить его словами, можно было по-разному и даже на разных языках.